

Ксерокоп - 29К3

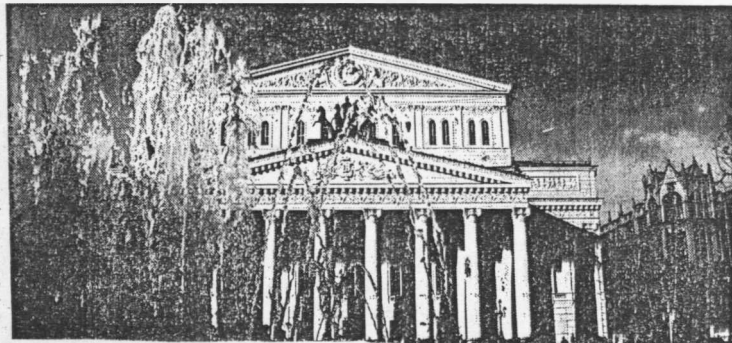

ФОТО С. ШЕВЧЕНКО

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

МЫ БЫЛИ на бале, на бале, на бале, — декларирует Татьяна Дорони́на, стоя около дверей МХАТ, в художественном проезде (МХАТ — бутяфорский, Дорони́на — голдинская).

— И с бала нас прогнали, прогнали, прогнали, — раздается ей в ответ. Так начинается новый спектакль МХАТ на Тверском бульваре по пьесе Эдварда Радзинского «Старая актриса и молодой Дорони́на», в постановке Романа Виктора.

И мы нервно и устало вздыхаем. Потому что, конечно же, вспоминаем, как делили МХАТ, ведь история эта еще недавно с таким упоением обсуждалась, кажется, повсеместно. Конфликт, расколовший известнейший театр страны, послуживший точкой во многом и многим театральным конфликтам.

Смелая идея Ефремова о перестройке театра обожала противоречия между курсом, о котором мечтал главный режиссер, и теми из труппы, кто не мог или не хотел соответствовать этому курсу, а там же теми, у кого были иные представления о будущем Московского Художественного театра. Обвинения в неадекватности, предьявленные Ефремову, страх оказаться без работы у актеров, которых записали в «балабасы»... Татьяна Дорони́на, возглавлявшая оппозицию...

Зачем она это сделала? Уж не то, «звездный» главный режиссер с собой брл. Другой характер, уже ставший одной из театральных легенд? Или «Я не хочу быть с теми, кто гонит моих товарищей, лучше я буду той, кого гонят» — так, рассказывают, говорила она. Удивительное дело, в период «дележи» МХАТ Дорони́на не дала ни одного интервью, стойко храня молчание о театральных распри. Не берусь судить. Знаю одно: раздел МХАТ сделал Дорони́ну еще популярнее.

«Кого из женщин чаще всего упоминали в «кулуарах» этого театрального сезона?» — спрашивала анкета «Театральной жизни». Подавляющее большинство ответило: Дорони́ну.

К имиджу типичной «суперзвезды» прибавилась слава заступницы обиженных, гонимых. Она стала выражать почти в политическую фигуру.

Но, пожалуй, самым интересным и неожиданным оказалось то, что Дорони́на своего добила. За частью труппы признали «правду» и отдали Дорони́ной под художественное руководство. Ефремов со своими актерами-единомышленниками переехал в историческое здание в проезде Художественного театра, а Дорони́на со своими выиграла новую битву — уже за помещение на Тверском, отдаленное театру Дулоу народов, зарплате его за собой на то время, пока ремонтируется доставшее им при разделе здание на улице Москвитина.

Предполагая ли Ефремов, что его административная актриса получит «полосу» и равные с ним права — курьера МХАТ? Жизнь порой устроивает такие парадоксальные ситуации.

За действиями МХАТ на Тверском наблюдали настороженно, с отнюдь не пренебрежительностью — «агосторосили». Да и что за художественный руководитель

Дорони́на? Эти чувства усилились с выпуском первого спектакля «На дне», честно говоря, довольно скучного. Нет, этого Горького смотреть нельзя — вот что вынесла публика после зрелища. А надлись на сумрачке: «Спектакль поставлен в 1902 году К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Спектакль возобновлен в 1987 году. Режиссер Т. В. Дорони́на вызвала недоумение, насмешливые улыбки, теперь режиссурой занимается Голдин и того сильнее: спекуляция, политические игры. Ну какой из нее режиссер, кому нужен этот мемориальный театр? Да и вообще, как это — две труппы МХАТ? «А чехарда с названием? Один театр — Художественный, а другой — Общедоступный!» — как не процитировать Б. Любимова. И чем же все это закончится?

Чем закончится, сказать пока трудно. Дорони́на, несомненно, права, запустив целый ряд спектаклей с разными режис-

культуры, ее национальные достоинства. ...И вот еще одна премьера у Дорони́ной, где в самом начале заявлена вроде бы та же тема. Новая продолжение спектакля? К счастью, нет. Капустника не будет. Речь пойдет о другом.

Итак, на сцене МХАТ на Тверском бульваре — МХАТ в проезде Художественного театра. Да-да, тот самый, единственный и неповторимый. Он стоит в странном жутковатом освещении и смотрит незрячими глазами на занавес с чайкой.

Потом открывается этот занавес, и над пустой сценой звучат голоса умерших великих актеров прежнего великого Художественного театра. Звучат над опустевшим МХАТом, столь откровенно напоминающим мертвый дом.

Мы понимаем, о каком бале речь... О бале ушедшего великого театрального искусства, воплощенного для нас в этом легендарном здании. И воспоминания — крики героини о неодолимой свободе двадцати годов — о бале двадцатых! — смыкаются, соединяются с этим символом прежнего духовного величия... Куда все это ушло? Как вернуть? Вот вопросы, которые ставят спектакль.

В некоем подозрительном доме — то ли сумасшедшем, то ли и вправду для инвалидов и престарелых — встречаются двое: сумасшедший художник и знаменитая в прошлом старая актриса. Она давно покинула сцену, была когда-то кумиром, соединившим с ученым. Ее прическу, ее одежду носили столько женщин и девочек, жаждавших походить на нее! И вот теперь она здесь, в этом доме... Он — пропащий, забавный матерщинник и безумец, помешанный на идее, что в нем живет душа Достоевского.

И сумасшедший заставляет старую актрису читать, читать с ним историю любви Достоевского. Сыграть подлинное воспоминание жены его Анны Григорьевны, читать ее письма, написанные ко полям его игры на рулетке. И сам читает ей от-

Эта «явность» пьесы «Старая актриса на роль жены Достоевского» для возможности (после публикации ее в альманахе «Современная драматургия» в 1984 году) называть ее абсурдной. У нас пьесу не ставят и не подают. Зачем нам абсурд на сцене, когда нам с ликом ханжало этого абсурда в жизни? Зачем нам пьеса, ася публицистика которой состояла в абсолютном презрении к публицистике... Итак, у нас пьесу не ставят, зато ставят у них. Париж, Копенгаген, Хельсинки, Токио — далеко не полный список городов, где она была сыграна. Не прошло и четырех лет, как к этому списку прибавилась Москва. И — самое неожиданное — на сцене МХАТ антипублицистическая пьеса обернулась публицистической. Театр сыграл в ней свой сюжет. Какой?..

Итак, безумный художник предлагает актрисе сыграть историю любви Достоевского. Любови к мучительнице Полине Суевой, загадочной, коварной «хмельской богородице», святой всех распри. Женщине, в которой бездна и небо. Но актриса слишком стара. Ярость, страсть — все это для нее уже в прошлом. Она ставит Анну Григорьевну на роль отшельницы, от многого. И режиссер ведет ее тернистым путем сквозь пьесу, освобождая от зла в душе, жестокости, жестокости. К всепрощению.

Добро, всепрощение, всемирная любовь — это и есть для авторов спектакля истинный Достоевский. «А то зачем любовь истинная, а не любовь истинная? И не забуду преследовать человека, который Федю морочит поганости». А в толкору: «Ставьте имя ваши памятники. Только на цоколе написать не забудьте: «Федя Достоевскому от благодарных бесов!»

Изгнание бесов по спектаклю — приход к добру, к состраданию. «Любовь есть спасение». Любовь к ближним и духовность — это необходимые качества личности обществу. Таков пафос спектакля, такова его публицистика.

На имея подготовленного зрителя — не моден театр на Тверском, что у него своей публики. — Дорони́на откликнулась в стихию этой весьма сложной пьесы. Здесь ей должны были помочь чуждые спектаклю. И она не ошиблась. Георгий Бурков помог. Это, пожалуй, самая блестящая его работа за последние годы. Она заставляет вспомнить его шумливую школу глубины и простоты. Типичный человек улицы, которого в неадекватном нашем алкогольном прошлом можно было встретить у любого гастронома и который так легко от состояния из толпы переходит к высокой духовности, мистической таинственности Федя Достоевского... (Поможет ли теперь Аристарх Ливанов, к которому перешла роль? Бурков из театра ушел — продолжение мистических конфликтов?)

А вот сама актриса Татьяна Дорони́на не смогла до конца осуществить идею художника Татьяны Дорони́ной. Да, она точно играет актрису, с предельной искренностью рассказывает о трагизме профессии, жестокости людей театра. О том, как беспощадно время, нависая над умирающими несчастливыми ролями. Здесь она убедительно предельно. Она блистательно играет мучительную Полину, играет яростную ревность Анны Григорьевны, но... Но Дорони́на Анна Григорьевна — она — увы! — пока сыграть не может. Ибо есть роли, которые нельзя сыграть. Точнее, чтобы их сыграть, нужно слишком от многого в себе отказаться. А в Дорони́ной сейчас слишком много нетерпимости, неприимности, борьбы. И все это ясно существует в ее игре, в никаким темпераментом этого не замечено.

Есть роли, которые делают исполнителей. И — роли, которые делают исполнителей. И я думаю, что, по мере того как наша знаменитая актриса будет играть эту роль, она многое поймет и от многого вынуждена будет отказаться. Иначе задание художника Дорони́ной не выполнит.

В конце спектакля героиня Дорони́на кричит о бесцельности и пустоте нынешней жизни. Полюсь. Крик боли. К кому? К нам? К себе самой? Или и к нам, и к себе самой? Изгнание бесов.

ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ПРЕМЬЕР

Мария ДЕМЕНТЬЕВА

Лит., изд. - 1988 - 260 стр.

МЫ БЫЛИ НА БАЛЕ...

Политические заметки о МХАТе на Тверском бульваре

серви. Но пока — новая неудача. На сей раз со спектаклем по пьесе А. Аударава «И будет день...» («Свадьба») — премьера только что состоявшая. Подняла пысь (на заброшенной городской сцене обитает очень разные люди: бывший исполнитель «воли трудового народа», расстрелявшийся в спину «врагов» этого народа, журналист, сокращенный аппаратчик, бывший «свадебный» протестующий, всякие прочие «неформалы» — словом, персонажи, появление которых на театре обусловлено делом времени и которые уже начали качать из пысь в пысь. Обильные монологи, верные, бесконечные диалоги героев с собственной совестью невинно-пуганы, смысл их трудно поддается анализу. Не спас положение и известный студийный режиссер Валерий Белякович. Спектакль получился поверхностным.

Впрочем, любые категорические утверждения (как и отрицания) сейчас для коллектива преждевременны. Он находится, по существу, в процессе становления. Кроме того, слишком уж накалены страсти (да с их пор).

Раздел МХАТ. Хватит, говорим мы, надоело, но возвращаемся к этой теме опять и опять. Одна из последних книжек журнала «Театр» в значительной степени посвящена тому же. И мы обременены возвращаться ко МХАТу еще и еще, потому что эта гордость и святая память нашей

ветные полные азарта и страсти письма Достоевского... Заставляет читать странную пысь, где должны быть любовь — безумная игра — смерть. Три части...

И постепенно жизнь их в этом мистическом доме начинает странно соединяться с жизнью Достоевского и его жены. Вымысел становится продолжением реальности, вытесняя их нищен, скучное существование.

Они входят в исчезнувшее прошлое, входят из него и вновь выходят... И постепенно блекнут, растворяются границы между прошлым и нынешним. Мы ощущаем многовековую жизнь... Ее странную краткость, ее загадочность... Игра в игру, театральные сны...

Иногда задумывается занавес, мы так и не знаем, кто были герои спектакля... Кто чья роль? Действительно безумец, воображающийся себя Достоевским? А может, это чья режиссер, сыгравший безумца, чтобы вновь зажечь любовь к театру, вернуть к сцену знаменитую в прошлом старую актрису... А может (чужд мне), это был Достоевский? Кто была она? Действительно великая, старая и никому не нужная актриса? Или же преданная примерная, решившая в этом доме притвориться своим кумиром?

«На улетают слова — и остаются произнесенные... И, воображение — реальная реальность».